

Александр Левитов

Степная дорога ночью

Александр Иванович Левитов

Степная дорога ночью

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657385

Сочинения: Худож. лит.; М.: 1977

Аннотация

«Пора была самая глухая: сено скошено, рожь сжата, а до уборки проса, овсов и гречихи было еще далеко. К тому же был какой-то большой праздник, чуть ли не успеньев день; следовательно, народу на проезжей дороге совсем не было.

В воздухе ощутительно распространялись прохлада и тишина наступающего вечера...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Иванович Левитов Степная дорога ночью¹

I

Пора была самая глухая: сено скошено, рожь сжата, а до уборки проса, овсов и гречихи было еще далеко. К тому же был какой-то большой праздник, чуть ли не усеньев день; следовательно, народу на проезжей дороге совсем не было.

В воздухе ощутительно распространялись прохлада и тишина наступающего вечера. Маленькие птички, не видные во время зноя, теперь замелькали по степи, тогда как самая степь постепенно облекалась в какую-то необъяснимую, мрачную тайну, обыкновенно примечаемую в природе, когда, утружденная жизнью дня, она отходит к ночному покою.

Таким образом поля, и дороги, и вешки – все это глубоко задумалось в своей обычной вечерней думе, между тем как и с высоты неба, и из самой глубины непроницаемой дали веяло на вас каким-то едва слышным шорохом, сыпалось и неприметно вливалось к вам в душу что-то в высшей степени сладостное и томительное – и виделось вам, что все это будто бы закрывает собою природу, сообщая ей то особенное вы-

ражение, какого не увидите вы в ней никогда, кроме вечера.

На левой стороне дороги, по которой шел я, протекал Дон. Бесчисленными огнями сверкало в его волнах догоравшее зарево; а за ним так привольно расстилалась луговая, низменная сторона, зеленея раздольными покосами и пестреясь неоглядными запашками. Изредка даже и ко мне на большую дорогу заносило оттуда ветром тонкий звон колокольчиков, привязанных к жеребьям, и крики сельских ребят, которые их сторожили.

Пугаясь этого мрачного, молчаливого пространства, особенно тоскливо ныла душа моя и желала встречи с живым человеком; но как ни напряженно смотрели глаза, ни человека на дороге, ни крыш деревенских изб вдали не показывалось.

Совсем свечерело. Заблагоухали травы и деревья, покрытые обильною росой, загорелись звезды на совершенно безоблачном небе; а на всем видимом протяжении Дона клубилось какое-то седое, неопределенное облако, ярко освещенное молодым месяцем. На востоке постоянно один и тот же угол неба резала, как обыкновенно называют ее в селах, сухая молния.

Ничто в этот раз не нарушало молчания ночи, только что разве сонного грача шагом своим испугаешь, так он каркнет, с одной вешки на другую перелетит, да там на целую ночь совсем уж и останется.

Вдруг позади меня раздался едва слышный скрип колеса.

Я обернулся и начал присматриваться. Не далее как в четверти версты от меня спускалась с горы телега, в которую была запряжена слон-лошадь, так называемая купецкая. Грузно ступала она по туго убитой дороге, побрякивая медными бляхами своей наборной сбруи.

Рядом с телегой шли кто-то двое. До меня доносились их голоса; но я не мог ни расслушать того, что говорилось, ни ясно рассмотреть самих говоривших. Я закурил папироску и сел ожидать их.

– И у этого, милый ты мой, римского папы все цари ненашенские под началом находятся, – с расстановкой говорил один из подъезжавших ко мне. – И этот папа, как таперича об нем в книгах написано, не то штоб стар, не то штобы молод, а годов ему, свет ты мой ясный, ни мало, ни много – всего-то две тыщи. Месяц взойдет молодой – и папа молод, месяц к концу – и папа стареется, и так (сказывают вон, историю-то кто читал) до самого конца мира и смерти ему не будет. Вот што!..

– О, господи! – слышалось в ответ на историю о римском папе.

– Да! Вот ты с ним, с таким-то, и совладай поди!.. А вот войну прошлую², помяни ты мое слово великое, по его науке французы с нами затеяли, потому он России не любит – веры она не его. Истинно!..

– А Бел-Арап? – спрашивал встревоженный голос.

² ...войну прошлую. – Речь идет о Крымской войне 1853—1855 гг.

– Бел-Арап што? Ты Бел-Арапа не бойся. Воевать он на нас пойдет, это я тебе верно сказываю, – да когда? Ты вот о чем посуди. При последних концах он пойдет воевать – вот когда, с антихристом вместе! Так и в Писании сказано: лицом черны и зверообразны, аки мурины эфиопстии...

– Говорят, уж родился антихрист-то?

– Это точно. Тридцать годов уж прошло, как родился, и держат его за двенадцатью дверьми и за двенадцатью замками, а держат его те замки и те двери, потому как млад он очень таперича есть; а как возмужает, так двери и замки он сразу расторгнет, расторгнумши, уж и на народ бросится; а дожить нам, грешным, до той поры лютой не приведи господи.

Наконец говорившие подъехали ко мне. Один из них был еще молодой парень, весь обсыпанный мукою, а другой – старик. По его широкому синему халату и по старой пуховой шляпенке я принял его за духовного. Действительно, как оказалось, это был сельский дьячок.

– Бог в помощь, земляки! – приветствовал я моих новых спутников.

Они подозрительно осмотрели меня с головы до ног. Короткий сюртук мой, очевидно, привел их в большое недоумение относительно законности моего пребывания на степной дороге в такую позднюю пору.

– Откуда бог несет? – спросил меня старик.

– Да вот из Данкова иду. Тяжело на жаре стало идти, –

ночью-то, думаю, не полегче ли будет?

– Знамо, полегше ночью-то будет, – подтвердил мои слова белый парень. – Што это у тебя в зубах-то, любезный?

– Курево такое – папироской зовут.

– Дай попробовать, брат, што-то хитро она сделана-то.

– Поди, с табаком она? – спрашивал старик. – Не приучайся к этому, голубчик. Грешней табаку, я тебе скажу, ничего на всем свете нет.

– Какой же тут грех? – полюбопытствовал я.

– Што ж это вы в городском сюртуке ходите, а грамоте, надо думать, не знаете?

– Нет, благословил бог, грамоту знаю.

– Ну, так книг божественных не читаете. А в книгах прямо говорится, кто табак-то посеял. Черт его, для людского соблазна, на блудницыной могиле посеял. Вот кто!

Между тем белый парень долго и сомнительно повертывал папироску между пальцами, улыбался чему-то, глядя на нее, курнул, наконец, и возвратил мне.

– Что? Ай не духовито? – спросил я.

– Духовито оно, духовито, да не забористо, – объяснил парень.

– А по-моему, чревобесие это выходит одно... – заключил старик.

Наконец белый парень вспомнил будто что-то и торопливо стал нас приглашать садиться к нему в телегу.

– Пошагистей поедем холодком-то, – говорил он. – Хошь

бы улицу для праздника застать, – разошлись, поди.

– Да хошь и не застанешь, еще тебе лучше: соблазна не будет, – заметил старик.

– Хорошо это тебе говорить, – вспыльчиво возразил белый парень. – Неделю-то целую работаешь, рук не покладываешь, а тут еще и улицы не застань. Оно, пожалуй што, куда складно слова-то у стариков выходят, когда они об соблазне толковать начнут; а сами небось тоже в старину-то не очень на соблазн-то глядели.

– Это ты верно про стариков говоришь; но плоть свою усмирять тоже должен, дабы власти над собою врагу не давать, – продолжал резонировать старик.

– Нечего ее усмирять-то! И так она у нас небось не очень-то разыгрывается. Я вот, двое-то суток на мельнице бымши, может, двумя фунтами одного сухого хлеба продовольствовался, – так уж какая тут плоть будет?..

– Сам виноват! Отчего больше хлеба с собой не взял?

– Отчего? На полдня всего ехал-то, а мельник (провалиться ему!) двое суток меня продержал. В сердцах они с хозяином моим, так вот он меня и продержал. На-ка, дескать, посмотри, какую я над твоим хозяином власть большую имею.

– За што ж они в сердцах-то?

– Поди разбери их! Первое дело: мельник у нашего дочь за сына сватал. Не отдал наш-то: я, говорит, дочь свою за мужика отдать не намерен; а отдам либо, говорит, за попа, либо за приказного, – потому из вольноотпущенных он у нас

и живет как есть на барскую статью. А другое дело: вздумали у нас церкву строить; а хозяин-то мой с мельником первые, стало быть, насчет денегов обыватели во всем приходе. Вот мироеды и доложились к мельнику прежде: «Сколько, говорят, ты на божий храм жертвуешь?» А он им и говорит: «Весь кирпич на свой счет берусь изготовить, ежели вы церкву на имя Петра и Павла состроите» (а его Петром зовут, а сына-то Павлом, – вон метил куды!). Мироеды и согласились, да к нашему-то и толкнись. И так-то наш мироедов этих самых по шеям со двора гнал, так-то он их ругал ругательски, – услышал потому, как они к мельнику первому за советом ходили... Видят мироеды – не изнять им без нашего церкви, всем сходом просить его стали, штобы, значит, смиловался. «Стройте, говорит, во имя Миколая-чу-дотворца», – и его-то, к примеру, Миколаем зовут... Тут на сходке-то до драки чуть не дошло с мельником. Один говорит: Петру и Павлу, другой – Миколаю. Наш-то чудак такой – усовещивать стал было мельника: «Куды ты, говорит, в храмостроители собираешься, а грамоте не знаешь?» – «Да оно, – мельник-то ему, – грамоте-то хошь я и не знаю, иначе холопом несчастным никогда не бывал, так ты нас грамотой не кори», – обиделся, значит. Наш опять тоже не уступил: «Эх ты, говорит, прямой шут! Я тебе настоящее дело, по доброте души, сказал, а ты лаешься. Истинно, говорит, сказываю вам, братцы, не его ума эта вещь...» Кто из миру-то поверил нашему, кто мельнику, только с этого времени весь приход надвое раско-

лолся: одни микольскими назвались, другие петровскими – и годов с пять уж прошло, тягаются все меж собой. Драки какие насчет этого самого дела ежечасно бывают – сказать невозможно; а материал, на церкву-то какой сгоряча навезли, кое растащили – лесок-то да железцо, а кое – кирпич там, што ли, али известку – все это дождем да снегами размыло... И уж каких штук ни подпускал хозяин-то мой, штоб по его сделалось. Соберет, бывало, мужиков со всего прихода, выставит им пеннику ведра два и почнет рассказывать, как это к нему во сне аки бы каждую ночь почитай Миколай-угодник является и как он наказывает ему, штоб церкву-то, значит, на его имя поставил. «Ничего, говорит, ты, раб, не жалея только, говорит, волю мою исполняй, – спасенье души от этого дела получишь», – угодник-то будто ему растолковывает. «Вот, – наш-то говорит, – сами вы видите, православные, што я для вас ничего не жалею», а сам вином-то все стариков и накачивает. Сначала и поверил народ, и многие из петровских на нашу сторону перешли, а потом и верить перестали, потому больно уж часто, угодник являться ему почал, и ходили к нам мужики больше как выпивки и смеха одного ради. И допекли же его этими явлениями. Как только услышал мельник про такие дела, на зубок его сейчас взял: «Станет, говорит, святой угодник холопу несчастному такую милость оказывать, – я вот становому про него объявлю, что народ он только смущает», – и объявил. Тут сперва-наперво становой такую-то хозяину вещь сказал, таково-то тазал его,

что он народу святым себя объявляет, — долго он с этого случая повесимши нос ходил. А там и мужичонки, кто поазартней-то, захочет выпить, к нашему и идет: угости, говорит. Ну, уж наш-то и знает, что ежели не угостить, так слушать придется, как он начнет тебя по всему поселку срамотить. Так и теперь еще не забыли этого дела и всё опивают за него хозяина-то, — прост больно!.. Вот мельник и меня таперича за хозяина на мельнице проморил. Доведу, дескать, парня до вечера — пусть праздник промаячит в дороге. Ну, шагай, што ль, верблюд проклятый, — обратился белый парень к лошади и вытянул ее ременным кнутом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.